

Питер
ЛАВСИ

Питер
ЛАВСИ

ПАСЬЯНС
ДАЙМОНДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Л13

Серия «Золотой век продолжается»

Peter Lovesey
DIAMOND SOLITAIRE

Перевод с английского А. Соколова

Серийное оформление В. Половцева

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Vanessa Holt Ltd.

Лавси, Питер.

Л13 Пасьянс Даймонда : [роман] / Питер Лавси ; [пер. с англ. А. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Золотой век продолжается).

ISBN 978-5-17-097609-6

Японская девочка потерялась в знаменитом лондонском универмаге «Харродс» и была обнаружена охранниками только после закрытия — казалось бы, что в этом криминального? Однако Питер Даймонд уверен: это не банальная случайность!

Где родители малышки? Почему ее никто не ищет? И, что самое главное, почему она упорно молчит и не идет на контакт со взрослыми?

Прежде чем он успевает получить ответы на эти вопросы, девочка бесследно исчезает из приюта, и Даймонд пускается на поиски, в которых промедление может стоить ребенку жизни...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Peter Lovesey, 1992
© Перевод. А. Соколов, 2016
ISBN 978-5-17-097609-6 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава первая

Сигнал тревоги непрекращающимся, буравящим звуком разорвал тишину в «Харродсе». Дежуривший у пульта охранник Лайонел Кентон приподнялся со стула, рука потянулась к шее и поправила узел на галстуке. На панели перед ним мигал один из светодиодов — красный. Если система работала правильно, кто-то или что-то активировало датчик на седьмом этаже. Лайонел нажал кнопку включения видеонаблюдения на этом этаже. На экранах мониторов никакого движения.

В эту ночь Кентон был старшим из охраны. Он дослужился до того, что имел личную полку над радиатором отопления, где держал свои вещи. Там хранились фотографии его жены и двух дочерей, папы римского и Катрин Денев, слоник из черного дерева и коробка с кассетами записей оперной музыки. Пуччини не дает мне ночью уснуть, объяснял Лайонел, если находился ханжа, который спрашивал, зачем он держит в дежурке «оперу». Никто не заснет. Музыка надежнее, чем газета или дешевая книжонка. Глаза у него следят за всем, что сообщает пульт, а уши улавливают любой несовместимый с музыкой звук.

Кентон выключил Паваротти и тронул кнопку, открывающую прямую связь с полицейским участком Найтбриджа. Там уже должны были получить сигнал тревоги. Он сообщил свою фамилию и продолжил:

— Проникновение. Сигнал получен с седьмого этажа. Мебель, девятая секция. На экране пусто.

— Сообщение получено в двадцать два сорок семь.

— Кто-нибудь подъедет?

— Разумеется.

Кентона охватила тревога. Он еще раз осмотрел седьмой этаж. Камеры не выявили никаких нарушений, хотя он и не слишком полагался на систему видеонаблюдения. Любой террорист знает, как держаться вне зоны видимости объективов. А в данном случае приходилось признать, что на седьмом этаже находится террорист.

Двадцать два ночных охранника размещались в различных частях здания. Кентон объявил общую тревогу и приказал отключить лифты. Защитные двери между секциями закрыты и находятся в таком положении с тех пор, как ушли уборщики. В деле борьбы с терроризмом ни в чем нельзя быть уверенным, но проникнуть в «Харродс» — задача поистине невыполнимая. Если кто-нибудь находится в здании, то ему пришлось бы спрятаться в момент закрытия универмага и с тех пор умудриться не попасться никому на глаза. В таком случае кто-то рискует остаться без места. И этот кто-то — охранник, проверявший девятую секцию. В подобной работе ошибки не допускаются.

В дежурку ворвался заместитель Кентона в эту смену Джордж Буллен. Он совершал обход, когда прозвучала тревога.

— Откуда сигнал?

— С седьмого.

— Будь оно неладно!

Отдел мебели представлял собой рискованную зону, осмотреть которую не так-то просто. Там громоздились шкафы, буфеты, комоды и многое другое. В подобном помещении ежевечерние проверки в поисках злоумышленников — сплошная морока. И вполне понятно, но непростительно, что дежурный охранник, измотанный открыванием шкафов и заглядыванием в ящики, мог

пропустить какого-нибудь типа, скрывавшегося за этим нагромождением барахла.

Еще один светодиод замигал на пульте, и на одном из экранов вспыхнули фары въезжающего в зону доставки товаров автомобиля. Полицейские не заставили себя ждать. Кентон велел Буллену спуститься и встретить их.

Сразу прибыли патрульная машина и два фургона. Появились снайперы и кинологи с собаками. На подходе были другие автомобили, и их проблесковые маячки залили зону доставки товаров зловещим свечением. Кеннет почувствовал, как у него похолодело внутри. Полицейские не станут выдвигать его на звание лучшего охранника года, если вдруг выяснится, что он поднял тревогу из-за сбоя в системе.

Из машины выскочил полицейский и подбежал к нему.

— Вы кто?

— Кентон.

— Старший?

Лайонел кивнул.

— Вы вызвали полицию?

— Да.

— Седьмой этаж?

— Отдел мебели.

— Пути доступа?

— Две лестничные клетки.

— Всего две?

— Секция отделена закрытыми дверями безопасности.

— А лифты?

— Отключены.

— Кто-нибудь из ваших сотрудников находится на лестницах?

— Да, это обычный порядок. Лестницы охраняются и выше, и ниже седьмого этажа.

— В таком случае, ведите.

Более тридцати полицейских, кинологи с собаками и сотрудники в штатском последовали за Кентоном по

первому этажу к ближайшей лестнице. От них отделилась группа с дюжину человек и устремилась наверх. Оставшихся Кентон повел ко второй лестнице.

Подъем на седьмой этаж оказался для него испытанием на выносливость. И он с облегчением услышал команду остановиться между шестым и седьмым этажами. Но еще с большим облегчением заметил, что четверо из его людей находились именно там, где, как он заявил, они должны дежурить. Пока велись переговоры с группой на другой лестнице, появился шанс передохнуть.

— Опишите обстановку.

Как правило, полицейские снайперы хотят убедиться, какое им обеспечено укрытие. Человек из команды Кентона, бывший сотрудник управления уголовных расследований, здоровяк по фамилии Даймонд, доложил, как расставлена мебель на стендах неподалеку от лестницы. В эту смену Питер Даймонд отвечал за мебельный отдел.

Ах ты, паршивец несчастный, подумал Кентон. Уж на что у меня в утробе плохо, но у тебя видок будет похуже.

Трое снайперов одолели последний пролет, а остальные заняли позиции ниже. Самое неприятное — ждать неизвестного в то время, как другие идут с этим неизвестным разбираться. Кто-то предложил Кентону жевательную резинку, и он с благодарностью принял ее. Нервотрепка продолжалась минут шесть, а затем из рации старшего раздался голос:

— Ничего.

На помощь были отправлены две собаки с кинологами. Еще несколько долгих мгновений тишины. Охранник Даймонд находился слева от Кентона. Сложил руки, сплетя, словно в молитве, пальцы, только побелели от напряжения ногти. Когда по хрипящей рации кто-то объявил: «Мы взяли злодея», Кентон замер.

— Скрутили? — уточнил старший.

— Идите, посмотрите.

— Уверены, что он один?

— Абсолютно.

Тон был обнадеживающий. Тем более странно — ведь напряжение достигло высшей точки. Полицейские и охранники универмага кинулись вверх по лестнице. Седьмой этаж был полностью освещен. Снайперы собрались у секции, где были выставлены кресла и канапе. Но никто не взял оружия на изготовку. Наоборот, держались так, словно собрались на вечеринку с вином и сыром. Двое сидели на ручках кресел. И никаких признаков арестованного. Кентона прошиб холодный пот, и он вместе с остальными приблизился к полицейским:

— Вы же сказали, что кого-то взяли?

Один из снайперов указал на диван. Черный, большой, с обивкой из рубчатого плиса — такой диван с удовольствием поставил бы в своей приемной любой рекламный воротила. С одного конца была навалена гора ярких подушек, и из-под нее выглядывало лицо — маленькой девочки, с челкой черных волос и азиатскими глазами. Кроме лица, ничего не было видно.

Кентон в изумлении уставился на нее.

— Вот так-так, — процедил старший полицейский.

Глава вторая

— Понимаю расклад, — заявил охранник Питер Даймонд, отвечавший за отдел мебели в тот вечер, когда там обнаружили девочку. — Ты меня выставишь вон.

Расклад был совсем не в его пользу. Отнюдь не молод — сорок восемь лет. Женат. Проживает в Западном Кенсингтоне, бездетный. Бывший полицейский. Дослужился до чина суперинтенданта, но из-за разногласий с заместителем начальника полиции подал в отставку и ушел из управления Эйвона и Сомерсетшира. Недоразумение, комментировали знающие люди. Но Даймонд был слишком горд, чтобы проситься обратно на свое место. После ухода из полиции он сменил несколько работ

и в итоге оказался в Лондоне в службе охраны универмага «Харродс».

— Мне не следовало бы это говорить, Питер, — произнес начальник службы, — но тебе чертовски не везет. Вообще, не считая данного дела, твой послужной список здесь можно назвать образцовым. Ты мог бы претендовать на более высокий пост.

— Порядок есть порядок.

— К сожалению, да. Что касается рекомендаций, мы не поспушимся, а в остальном...

— Иными словами, служба в охране исключается?

По лицу Даймонда трудно было судить, что он чувствует. У толстых — а он был толст — бывает выражение, когда кажется, будто они то ли злятся, то ли удивляются. Поди разбери, что именно.

Начальник с готовностью продемонстрировал, как ему неловко: покачал головой и развел руками — мол, ничего не могу поделать.

— Поверь, Питер, меня от всего этого воротит.

— Ладно, проехали.

— Я хочу сказать, что не уверен, что сам засек бы девчонку. Под подушками она была практически незаметна.

— Я поднимал подушки, — возразил Даймонд.

— Неужели?

— Когда совершал обход, ее там не было. Это точно. Я всегда там проверяю. Удобное место, чтобы спрятать устройство. Девчонка пряталась в другом месте, а туда забралась позднее.

— Как же ты ее пропустил?

— Скорее всего принял за дочь какой-нибудь уборщицы. Они иногда приводят с собой детей. Некоторые из них вьетнамки.

— Эта, думаю, японка.

— Думаешь? Разве никто не заявлял о пропаже ребенка?

— Пока нет.

- Девочка сказала, как ее зовут?
- С того момента, как ее нашли, не проронила ни слова. Перебрали много переводчиков, потеряли день, пытаюсь хоть что-нибудь выудить, но она молчит.
- Может, немая?
- Судя по всему, нет. Но не произносит ничего вразумительного.
- Глухая?
- Нет, на звуки реагирует. Загадка.
- Надо отвести девочку на телевидение. Кто-нибудь ее узнает. Ребенок найден ночью в универмаге «Харродс». Такой сюжет пресса сразу подхватит.
- Естественно.
- Ты в этом вроде не уверен?
- Уверен, Питер, однако существуют другие, не менее важные соображения — наша репутация. Я не хочу объявлять на весь мир, что маленькая девочка проникла сквозь кордон нашей системы безопасности. А когда журналисты подкатят к тебе, буду признателен, если не станешь откровенничать с ними.
- По поводу чего? Системы безопасности? Не буду.
- Спасибо.
- Но полиции рот не заткнешь. У них нет интереса хранить историю в тайне. Пройдет немного времени, и кто-нибудь проговорится.
- Начальник охраны вздохнул, повисло неловкое молчание.
- Так когда мне освобождать мой шкафчик в раздевалке? — спросил Даймонд. — Немедленно?

Глава третья

- Священник посмотрел в доверчивые глаза вдовы и поспешно произнес:
- Это еще не конец света.
- Слова утешения были сказаны приятным летним вечером в гостиной загородного дома в Ломбардии где-то

между Миланом и Кремоной. Пастырское попечение, как называл его отец Фаустини. Помощь потерявшим близких — священная обязанность служителя церкви. Слов нет, на сей раз пастырское попечение изрядно затянулось — перевалило на второй год. Но овдовевшая в двадцать восемь лет Клаудиа Коппи — особый случай.

Ее муж Джованни погиб совершенно нелепо — его ударило молнией на футбольном поле. «Почему она попала именно в него? — спрашивала Клаудиа. — Ведь кроме него там были еще двадцать один игрок, судья и два боковых. Неужели такова Божья воля? Убить из всех его одного?»

Отец Джованни каждый раз отвечал, что пути Господни неисповедимы. Клаудиа смотрела на него большими, темными, доверчивыми глазами — она работала моделью, — и он неизменно добавлял, что неправильно оставаться жить в прошлом.

Священник и молодая вдова сидели на возвышавшихся по периметру пола подушках. Клаудиа, как обычно, радушно откупорила бутылку «Бароло», вина с насыщенным вкусом из виноградников Маскарелло, и предложила сырные крекеры. Солнце только что закатилось, но включать электричество в такой великолепный вечер было бы святотатством. Сквозь открытые во внутренний дворик двери доносился крепчающий в остывающем воздухе запах стада. К вилле примыкал великолепный сад, орошаемый дождевальными установками. Джованни не нуждался в деньгах — он хорошо зарабатывал в качестве фотографа журналов мод — и, когда обустраивал виллу, пригласил ландшафтного архитектора. Отдаленное расположение дома означало для отца Фаустини трехмильную поездку на мопеде, но он не жаловался. В свои сорок лет он обладал завидным здоровьем. Крепкий мужчина с жесткими, черными кудрями и густыми усами.

— Вам стало много лучше, — заметил он.

— Это показное, — произнесла вдова Коппи. — А внутри я очень напряжена.

— Правда? — Священник нахмурился, но лишь отчасти из-за беспокойства о ее внутреннем состоянии. Он порадовался, что в комнате стемнело и она не замечает его тревоги.

— Моя постоянная проблема — стресс, — объяснила она. — Проявляется в мышцах. Я ощущаю его в плечах, в верхней части тела.

— Как прежде?

Клаудиа промолчала. И отец Фаустини тоже напрягся.

— На прошлой неделе вам удалось добиться того, что я ощутила релаксацию, — сказала Клаудиа.

— Вот как?

— Это было настоящее чудо.

Он кашлянул в смущении от подобного определения.

— Изумительно, — добавила она. — Не могу передать, насколько лучше я себя ощущала.

— Это долго длилось?

— Четыре дня, святой отец. Мне больше некого молить.

Это прозвучало так, словно Клаудиа просила милостыню. Иногда отец Фаустини приносил покупки для престарелых членов своей паствы, часто собирал лекарства. Рассказывали, что он колол дрова и варил суп для попавших в трудное положение душ. Так что плохого в том, что он массирует больные плечи Клаудии Коппи? Лишь то, что это вызывает диссонанс в нем самом. Разве справедливо отказывать ей в христианской помощи только потому, что он сам морально и духовно слаб?

В последние две пятницы он оказывал ей подобную услугу. С готовностью поколот бы дрова, но центральное отопление дома вдовы работало на мазуте. Съездил бы за покупками, но все необходимое ей дважды в неделю доставляли из лучшего супермаркета Кремоны. У нее были садовник, повар и уборщица. И единственное, чем он мог ей помочь, — выполнить то, о чем она его проси-

ла. Несчастливая молодая женщина не могла массировать свои плечи. Во всяком случае, не настолько эффективно, чтобы снять мышечное напряжение.

Был еще один фактор, который заставлял отца Фаустини колебаться. Раз в неделю в храме он выслушивал исповедь Клаудии Коппи. В последнее время она часто признавалась в том, что ее одолевают неблагочестивые мысли и плотские желания. Не в его правилах было интересоваться на исповеди деталями, если установлен факт греха. И он точно не знал, было ли это связано с его посещениями виллы.

— Я нашла нечто такое, что можно втирать, если вы не возражаете.

Священник нервно кашлянул и положил ногу на ногу. Это было нечто новое в их общении.

— Обезболивающий крем? — Он постарался сосредоточиться на процедуре мышечного массажа и вспомнил излюбленные футболистами составы. Некоторые так сильно воняли, что выжимали из глаз слезы.

— Скорее увлажняющий. Лучше для моей кожи. Хорошо разглаживает. Попробуйте. — Клаудиа капнула ему на руку какой-то состав.

Он тут же его стер.

— Пахучий.

— Отдает мускусом. Подержите баночку, а я пока сниму блузку.

— В этом нет необходимости, — быстро проговорил священник.

— Святой отец, она же шелковая, я не хочу испортить ее.

— Нет, нет, синьора, прикройтесь.

— Я еще даже не расстегнула пуговицы, — рассмеялась Клаудиа и добавила: — Неужели здесь так темно?

— Я не смотрел.

— Вот и хорошо. Тогда я подставляю вам спину.

Отец Фаустини услышал шорох материи, когда блузка соскользнула с ее плеч. Вот теперь перед ним возникла

настоящая дилемма. Голос Клаудии звучал естественно и бесстрастно. Но сто́ит ему начать возражать, как ситуация перерастет в моральный кризис. Может показаться, будто он позволяет влиять на себя тому, что услышал от нее на исповеди.

— Только немного, — попросила Клаудиа. — Втирайте постепенно.

Прогнав тревоги, он зачерпнул пальцем состав и размазал по ладони. Клаудиа, как и обещала, уже подставила ему спину. Отец Фаустини нанес ей увлажнитель на шею.

— Ох, вы же сдернули бретельки!

— Ничего подобного, — возразил он. Но бретельки бюстгальтера как-то сами спали с ее плеч.

В прошлый визит его уговорили массировать сквозь футболку без втираний. Сегодняшний опыт был в новинку. Прикосновение к коже Клаудии волновало больше, чем Фаустини осмеливался признать. Он провел рукой по изгибу ее плеч и ощутил под пальцами теплоту. Плавность линий стала для него откровением. Добравшись до округлых оконечностей, замер.

— Блаженство, — выдохнула Клаудиа.

Через мгновение отец Фаустини опомнился и стал наносить увлажнитель на лопатки и позвоночник вплоть до самой шеи. Клаудиа наклонила голову вперед, и ее длинные темно-каштановые волосы упали ей на лицо. Отец Фаустини ощупал ее дельтовидные мышцы, размял, проверил границы. Несмотря на жалобы Клаудии на мучившее ее напряжение, все было достаточно подвижно, но он и не утверждал, будто обладает опытом массажиста.

— Дайте знать, если причину неудобство.

— Помилосердствуйте, — пробормотала Клаудиа. — У вас потрясающие руки.

Он продолжал слегка нажимать у основания шеи, как вдруг вдова подняла голову и закинула волосы назад.

— Достаточно? — спросил отец Фаустини.